

Елена Крюкова

ЗВЁЗДНОЕ НЕБО НАД НАМИ

О книгах Василия Килякова

Чистота и тишина. Это всё внутри, и это всё от Бога, и это всё Бог.

Даже если громко вокруг кричат.

Голос человеческий обладает удивительной особенностью: у него есть тембр, и он иной раз слышен через все обвалы гигантских оркестров, через грохот канонады и вой времён.

Всё есть поэзия. Поэзия прекрасно живёт внутри прозы. Поэзия – в штрихах дня, ласке лета, в ветке берёзы, что под ветром качается за окном. Поэзия – сама жизнь человеческая, только мы часто не слышим её звучащего счастья, её поющей радости, её пронизывающего всё сущее ритма. Всякий художник – поэт.

Таков Василий Киляков.

Не покидает чувство, что рядом с нами живёт тот, кого будут читать и спустя горы времени. Вот передо мною книга, она объёмная, тяжёлая. И название у неё такое... очень даже завлекательное – «Посылка из Америки». Америка, далёкая страна, за океаном... что за посылка... кому адресована... Будущий читатель видит перед собой маяк названия. И плывёт на него.

А я раскрываю книгу – и замираю от радости: жить рядом, жить в одном времени с большим русским писателем...

Василий Киляков – настоящий художник; множество пишущих лишь приближаются к тому уровню сознания, когда горячий, дымящийся, вчерашний-сегодняшний или давний, упрятанный в драгоценную шкатулку памяти случай, событие, резанувшее по чувствам и мыслям бритвой, вспышка великой, на весь Миръ, любви, красота несбывшейся мечты, всё испытанное и неиспытанное вдруг становится – искусством. Вот Василий Киляков переходит эту грань. Смело переходит, вольно, красиво. И – естественно. Для него рождают стихи, прозу – как дышать. Слово становится дыханием и обретает первозданную грацию, живую и острую боль, безупречную единственность, забытую святость.

И добавлю: Киляков – настоящий РУССКИЙ художник. Это немаловажно. Это насущно. Это честно, опорно, всеобъемлюще.

Мало кто из пишущих горит таким ясным, чистым, беспримесным огнём подлинной, не сыгранной, пафосно не сымитированной любви к Родине.

Тогда отчего же Америка? Она-то тут при чём?

Начинаю читать – о чудо... это книга рассказов. Рассказ для русской литературы, и классической и современной, всё равно что лакмус художественности, всё равно что стихотворение: на маленьком «участке» текста надо собрать такие порою неохватные подробности, заявить о магните, притягательности незримого Целого, что стоит, как Ангел Господень, у всякого автора за спиной! Труден жанр рассказа. И они все у Килякова – разные, как разнолика, разнопламенна и разноплемённа сама жизнь; это великие вариации жизни, она сама даёт-дарит темы (и порой сама же их отнимает, заменяя иными!), и отсюда разнообразие образов и мыслей-идей, сюжетов и положений, а главное, поэзии, что безудержно вырывается на простор из-под тесной, плотной вязи родных слов:

«– Под иконой стоит на коленях и крестится. Ой, Петя, до чего страшно крестится-то. Медленно, широкие кресты кладёт, а сам как каменный будто. Я знаете что, ребята, я вам в баньке постелю, на воздухе, от греха. Ночи уже тёплые. Я вам хорошо постелю, уютно, подушки у меня – пух в атласе. Вы вот только пистолет-то свой спрячьте подале. Спрячьте. Не обессудьте меня, старуху: уж больно зло крестится-то, истово...» («Неугомонный»).

Ах, вот это и есть живой голос человека! Настоящий, невыдуманный! Однако художник на то и художник, чтобы не списывать с натуры, а вдыхать в великую натуру силу образа, биение собственного

сердца. Писатель Киляков – зоркий, наблюдательнее некуда. Он, мастер, всё видит и слышит... всё вбирает, всему внимает... и его любовь, как в знаменитом Евангельском, из «Деяний Апостолов», Втором послании к коринфянам Апостола Павла, *«всего надеется, всё переносит... долготерпит, милосердствует, не ищет неправды, но сорадуется истине».*

Запечатлеть быт – для мастера – значит оставить жить бытиё. Быт тоже поэтичен и притягателен. И боль важно храбро изобразить: без трагедии нет судьбы. И мысль важно ухватить на лету: внутри даже беглой, мимолётной мысли часто таится большая идея, способная перевернуть устоявшееся, привычное, ровное, надоевшее, банальное. Тот потрясающий душу до самых основ крик Пьера Безухова у Льва Толстого в «Войне и мире» («...и всё это – во мне, и всё это – я!..») – лейтмотив (или лейтобраз, как хотите) всего, в совокупности, творчества Василия Килякова. Его волнуют топологические, разветвлённые, никем до конца не истолкованные связи: человека и человека, человека и всего живого на земле, человека и Времени, быта и бытия.

«Мужики и парни приносили часы-ходики, полные пыли и сухих мух; расстроенные гармоники мастер отлаживал с особым удовольствием. Бывало, настроит голоса, заменит басы, планки... И вдруг как-то неожиданно для всех собравшихся топнет сапогом, тронет на хромке и начнёт отжаривать на всё село.

Девок так и подмывало в пляс. Были в сёлах свои гармонисты, потомственные. Но куда им до Стегней – в золотых руках мастерового гармонь не играла – выговаривала! Порой, отдыхая от работы, он пел частушки “зазывные, озорные и страдательные”.

Девки в озере купались,

Я на камушке сидел.

Девки юбки поскидали,

Я зубами заскрипел...»

(«Стегней и Варька»).

Господи! Ведь опять ассоциация ледоходно, напролом, идёт со Львом Великим! Вспомнила, как Наташа Ростова пляшет русского, после дня упоительной охоты, в доме у своего дядюшки: «...дух и приёмы были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от неё дядюшка...» Вот это и есть основной тон прозы-поэзии Василия Килякова! Наши песни и пляски суть наша история. Наш говор, наша речь, наши переругивания и колыбельные, наши воинственные кличи и наши, шёпотом, молитвы есть наша земля.

ЗЕМЛЯ – вот что для Василия Килякова является неоспоримым, кровным сакралом. Священную почву под ногами, куда мы все ляжем. Но пока мы живы, нам не высказать сполна, до конца, КАК мы любим её.

Весь творческий путь Василия Килякова – такая песня, такое, на пол-Мира, «Славься» родной земле.

Художество писателя – его язык. Не сюжет, не лихо закрученная событийность (хотя блестящий рассказчик и без этого не обходится!), но прежде всего язык; язык – это и есть народ, не забудем древнего значения великого славянского слова.

Не покидает чувство во время чтения этой таинственной, могучей книги, что автор живёт некую параллельную, предельно близкую жизнь рядом со своими героями, а то и прямёхонько у них в домах, в сараях и огородах, в баньках, на дорогах и тропах, коими они по земле и по времени идут. Более того: автор, на наших глазах, ими всеми и становится, в них воплощаясь, перевоплощаясь. Это – РОДСТВО. Тоже редкая писательская птица. Жить жизнью другого! Проживать жизни и судьбы людей иных, встреченных, запомненных, воображённых, выдуманных! Это не только и не просто искусство. Это – ДАР.

Василию Килякову Богом вручен дар со-переживания, со-чувствия, со-бытия.

Наверное, это и есть та соборность, что века напролёт спасала нас, народ, от назначенной гибели, заставляла избежать чужого палачьего приговора, вела от унижения – к всепониманию, от мучений – к просветлению, от ярости – к великой милости и любви.

Да, Василий Киляков – писатель любви! И это так правильно, так ожидаемо, когда ощущаешь всю его художественную, образную систему, что (это апория, парадокс!) существует вне всякой системы, ибо она есть меняющаяся, речным перламутром переливающаяся живая жизнь; когда видишь воочию, как автор движется, исполняя древний завет больших мастеров, через земные страдания – к небесной радости.

Через войну – к Победе. Через непроглядную ночь – к заливающему всё сущее вокруг, торжественному свету солнца.

А война – она рядом. И война справедливая – она святая. Освящает она собою и смерть и жизнь. Раздумывает о жизни-смерти человек, ибо это вечный, в крови текущий архетип, невытравимый, всё на нём замешано, в это кровавое, пылающее тесто крепко вмешано. А человек с большим сердцем, с большою и щедрой душой (таков русский человек в его надмирной ипостаси, храмовой, иконописной, бытийной – там, где быт Бытию уступает место!..), не может об этом не размышлять. И автор вместе с ним о том раздумывает. И автор вместе с ним дышит, чувствует, вспоминает, понимает.

За каждую строчку в рассказах и повестях Василия Килякова плачено кровью.

И его собственной, и – народной.

«– Наступали ночью... Хлад, град видел. Три года подряд меня смерть по земле хороводила, а тут... Нервы, что ль, сдали? Ночь, тьма, сидели в мокрой траншее. А за нами, за первой ниткой и ещё дальше, за пригорком, одна за другой снуют сигнальные ракеты – тонко, как комары, пищат... Хлопают ракетницы, лает где-то мотор самолёта, прожектора там и сям цупают светом: хватит ли места для бойни. Кашлянёшь и сам слышишь, что звук какой-то чужой, нездешний, как из могилы – такая темь. Вдруг кто-то в ухо как гаркнет: “Шестая, вперёд!” Кинулись мы в ночь, в пустоту, в смерть. И знаешь, захотелось вдруг стать маленьким, с кулак величиной, величиной со своё сердце... Не страх... какой там страх, там не до страха, сам помнишь, а вот как-то чертовски весело и любопытно. И ещё просто... очень просто всё, неужто вот так просто и умирают? И ещё: не верится в смерть. В чью-то гибель другого, вот здесь, рядом – веришь, в свою – нет. Такая глупость...» («Голубых кровей»).

Вроде просто повествует Василий Киляков. Вроде бы всё речь ведёт о простых людях. Да ведь... НЕТ простых судеб! Всякая – сложна. Нет людей простых! И «простой» – не синоним слова «примитивный», а обнимающие времена ясность Евангелия, простота Четых-Миней, прозрачность Псалтыри. Я чувствую, как СВЯТЫ для Василия Килякова и просторы, и понятия, и традиции, и свежая, хвойно-ароматная, подобная снегу, ветру и огню, символика истинно народной жизни.

Более чем кто бы то ни было (о, прошу, творческие люди, без обид на это «более» – всяк из вас делает своё прекрасное дело под солнцем нашего времени!..), Василий Киляков сам – живой, вплавь пересекающий штормовую, бурную судьбу, страстно, радостно и яростно работающий – принадлежит народу и смело, размашисто, богатыми красками пишет народ. И это писание, это изображение Народа Русского есть великолепная лепта, горячий и горящий творческий вклад Василия Килякова в современное, часто конфликтное, часто апофатически необъяснимое литературное бытие.

И картины народной жизни, опять же скажем это дивное слово – простые, – неприятзательные, обычно-обыденные, но до краёв, как крынка тёплым парным молоком, полные высокой, звёздной поэзии (любоваться – любуйся! – бесконечно...), Василий Киляков пишет не просто кистью воображения и памяти, не просто умелыми, точнейшими словами, а – напрямую – сию минуту – сердцем, любовью...

«Ёлочка долго решала, идти с отцом или печь пироги, и осталась печь пироги.

Как только отец вышел из избы, она прилепилась к подоконнику и долго смотрела, как уходил он огородами на лыжах. Следом за ним бежал Пиратка и громко брехал, радуясь погожему дню и широким полевым просторам.

Но вот уже и охотник, и собака за садом, за сугробами. Света взяла веник и стала подметать пол. Сквозь мёрзлые окна сочился свет; там и сям играли зайчики. Кот Васька вертелся возле ног, ластился и мешал подметать. Отложив веник, Ёлочка налила коту молока, погладила по мягкой шёрстке и залюбовалась рисунками на окнах.

– Мама, мама, посмотри! Какие рисунки мороз наморозил!

Мать выглянула из закута и всплеснула руками от удивления.

Час от часу в горнице становилось теплее и светлее. Запахло жареным луком, щами с разварившейся капустой, пирогами. Мать стучала на кухне ножом.

– Мама, дай пирога, – просила Света...» («Именины»).

Но вы почитайте-ка дальше, дальше рассказ...

«– Принёс-таки, – повеселела хозяйка. – Вот радость-то. Давай-ка, а мне всё не верилось...»

– Успеется, дай взглядеться-то...

Дети столпились, трогали серую шерсть. Заяц лежал на лавке с вытянутыми лапами. Он прикусил язык, и грязная лужица собиралась на лавке и потаявшим снегом, капля за каплей, стучала по полу. И эти капли были слышны в наступившей тишине. Смотрели на зайца, боясь потрогать. А Ёлочка, не отрывая взгляд от зайца, вдруг отвернулась, дёрнула носом, заплакала.

– Я его дулетом смазал, – хвастал отец ребятам, – враз уложил.

Дочь плакала, а мальчишки и девчонки переступали с ноги на ногу, шмыгали носами, засобирались домой, брались за шапки и варежки.

– Куда вы, ребята? – удивилась мать. – А пирог-то?..» («Именины»).

Опять жизнь-смерть... Опять метким дулетом мастера уложено наше бытие – и тут же воскрешено: первое потрясение ребёнка уравнивается, утишается уютом тёплого, с запахами праздничных пирогов, полного нежной любовью дома... А охотник – что ж охотник, он к смерти зверя привык...

Кому же в русской литературе наследует большой писатель Василий Киляков?

Да, тут можно назвать ансамбль славных имён, горячо любимых русским читателем. Василий Шукшин. Виктор Астафьев. Валентин Распутин. Василий Белов. Фёдор Абрамов. Разве не прекрасно петь в их мощном хоре? Но у Василия Килякова свой голос, далеко слышный. Голос человеческий. Голос – идущий выше, вверх, летящий к облакам, летящий к Богу: от земли до неба – вот вертикаль Русской жизни, и эта вертикаль тем более неизъяснима, чем больше она реальна, жива, востребована – до боли, до клятвы льющейся крови, до пения на клиросе в сельском храме, до слёз при созерцании ледохода по весне, зимнего русского леса, зелёных фресок шумящих на жарком ветру берёз.

А при чтении рассказов Килякова слёзы льются и по другому поводу. От радости.

Радости – через эту поэзию-прозу – видеть, слышать, чутать русский НАРОД.

И именно поэтому Василий Киляков – народный писатель. Народность – изрядно позабытое слово, многим нынче оно кажется безнадежно устаревшим, на ветру веков истрёпанным, а нам оно крепко помнится по учёбе в школе, когда учитель литературы строго требовал, чтобы мы, дети, объяснили образ Наташи Ростовской, образ Платона Каратаева, образ Петруши Гринёва, образ Тараса Бульбы и иже с ними – именно близостью к народу: близки они народу или нет, плоть от плоти они народа или так, прилепляются к нему, приспособляются, качаются поблизости... И мы, ученики, старались эту самую народность почувствовать. Кто как мог. И это было нашим первым уроком принадлежности к родному народу. Посвящения жизни – ему.

А Василий Киляков и так народу жизнь посвящает. И его – живописует. И им – вдохновляется. И его – благословляет.

Без риторики. Без пафоса. Без стилистических выкрутас, но со щедро открытой личной сокровищницей лексики, словаря, мысли.

А «Посылка из Америки» – это вовсе не о какой реальной Америке, а о судьбе деревенской бабки Марфы. Бабка, пока лирический герой, промокнувший в дороге, согревается у неё в избе, рассказывает о сыне своём, в Америке однажды оказавшемся. Непредсказуемы людские судьбы.

И та нота, что возникает в рассказе ближе к финалу, вдруг ударяет, потрясает, пронзает насквозь. Это музыка голгофского пути Руси-России. Это нота-стон всякого русского человека, страдальца, мученика, но идущего вдаль и вперёд наперекор всему. Да ещё несущего радость и благо не только себе, но и другим людям. Другим народам.

Эту ноту, так пронзительно зазвучавшую, я слышу рядом с нотой Фёдора Тютчева («Изнурённый мукой крестной, / Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь Небесный / Исходил, благословляя...»), рядом с нотой Александра Блока («...Россия, нищая Россия, / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые – / Как слёзы первые любви!..»):

«Бабка вышла на крыльцо, помахала мне старческой рукой. Я ехал уже затемно и всё думал о бабке Марфе, о себе. Думал об этих полях непаханных с колками берёз... Что в них, в этих берёзах?»

Отчего так живуча в сердце эта тоска по родине, да такая, что на чужбине человек заболевает ностальгией, даже гибнет. Страдает, не видя эти горизонты. Есть какая-то особенная торжественная грусть в этой срединной Руси, тоска обречённого, влекомого промыслом русского по своему голгофскому пути, влачащегося весь долгий свой век, или короткий, – русского, всего лишённого, веками. Даже и простой почтовой связи с миром. Эта общая и одновременно частная дорога для каждого и для всех вместе – это именно голгофа России. И песни такие же: долгие, грустные, чаще – острожные. И пытался я вспомнить весёлые песни – никак не мог. Все народные песни или песни, принятые как народные, грустны необычайно... Русский народ, едва ли не весь и едва ли не каждый из нас, – идёт, неся крест...» («Посылка из Америки»).

«Пока звенит тоской острожной / Глухая песня ямщика...» (А. Блок). Изменилось ли что? Или ничего не изменилось? И Мирь всё тот же. И война всё та же. И враг всё тот же. И всепрощение всё той же огненной силой горит.

И любовь – великая любовь – всё так же слетает к нам с Божиих небес ширококрылым Ангелом – и навек поселяется в наших исстрадавшихся, но не разучившихся радоваться сердцах.

Читайте в книге повести Василия Килякова «Родное пепелище» и «Последние»: это, без сомнения, энциклопедия русской жизни – и событийная, и чувственная, и нравственная, и историческая. Киляков интенсивно и подробно пишет Время, прописывает его судьбами людей, заглядывает за его край, за кромку прожитого, современного – что там воссияло в прошлом?.. что там, в неизведанном будущем?.. – и две этих повести есть портрет Времени, портрет в полный рост, написанный уверенной рукой, но без нажима, а с сохранением тончайших, трансцендентных литературных позиций, всех ухваток и приёмов настоящей поэзии в свободном течении широкой, безохватной прозы.

Читайте его прозу «Благочестивому читателю», «И охладет в людях любовь» (о Василии Шукшине) и заметки «Душа-частушка» – исследование о русской частушке:

*Через тырь-монастырь
Лебеди летели,
Меня милый целовал –
Ланти отлетели! <...>*

*Чи-чи-чи-чи,
Все поели калачи,
Самогонки выпила,
Середина выпала,
Края покоробило,
А я всё не робила! <...>*

*У рязанских мужиков
Хорошая пицца:
Утром чай, в обед чаёк,
Вечером – чаище...*

Народ явлен в частушке сполна. Частушка часто – броский мгновенный портрет: человека либо ситуации, – но гораздо чаще она цепляет самое яркое, самое трагичное или самое праздничное внутри переживаемого народом Времени. А значит, частушка есть живопись Времени; и неудивительно, что Василий Киляков, взахлёб, любовно живущий жизнью родного народа, не мог мимо частушки пройти.

Читайте разговор с писателем, счастливо записанный Ириной Гречаник: жанр интервью всегда драгоценен, потому что он сочетает в себе актуальность положения «здесь и сейчас» и притягательность вечных ориентиров, что художник сознательно или невольно проговаривает. Говоря, рассказывая, мы обнажаем душу; мы доверяемся, доверяем собеседнику, верим времени, проверяем себя: так ли я всё понимаю, туда ли иду?

«Я прислушивался и присматривался к жителям моей деревни ещё мальчишкой. Они были все интересны: что ни двор, то характер незабываемый. Особенно я присматривался к тем, которые

необычно говорили, высказывали мысли, не похожие ни на чьи другие. Самобытные. Были природные мудрецы – Платоны Каратаевы, были блаженные, просто дурачки, были истово верующие, но вот атеистов я что-то не помню. Всекие были. Многому изумлялся я. В иных – разочаровывался. Но тема деревни, “почва”, вернее, душа народная так и осталась мне близка навсегда. Переехав в Киров, затем в Москву, я всё меньше и меньше находил той правды, которую видел в глубинке. Правды обнажённой. Здесь люди скрытные. Прямого слова никто не скажет, мало бескорыстных. И тут я встретил Михаила Петровича (Лобанова. – Е. К.). Я не знаю, что бы было со мной, как сложилась бы моя жизнь, если бы не он и его книги...» («Ищу следы невидимые»).

Читайте очерки «Худая жизнь» и «Возвращение снега» (одни только названия – высокая поэзия!..). И в самом конце, в финале изумительной книги – ночной, тайный, исповедальный разговор самого писателя... с библейским Иовом. Он понимает Иова. Понимает его страдания, его слёзы, его скорбь, его любовь. Он спрашивает себя: «...что бы просил у Бога я, будь я на месте Иова?» И отвечает сам себе:

«...Я просил бы Его обратить в вечное вот этот предрассветный час, уходящую ввысь луну и этот миг, это мгновение, которым заканчиваю я эти строки. Я просил бы Его не то что обратить в вечное, а хотя бы продлить мне время творчества, – муки моей и радости.

Всю ночь заря... Исписанный лист бумаги, и я один...

Как Иов, оглядываюсь я на землю: мила она мне!» («В мае»).

* * *

В Воронеже недавно вышла книга стихотворений Василия Килякова «От истока к устью». В самом названии – не только образный, но и временной ход.

Ход человека по земле... Ход судьбы по временам...

Космизм русской природы внятен поэту. Не раз воссияют в стихах предвечные звёзды. «Звёздное небо над нами, нравственный закон внутри нас», – эти знаменитые слова Иммануила Канта может всяк художник повторить, ибо он пристальней, чем иные, всматривается и в многозвёздный небосвод, и в озёрную тёмную глубь, и в золотые, ласковые волны привольного поля.

*Как истомно-обморочен дух
лунно голубеющей полыни...
Мощный тополь сыплет светлый пух...
Смерти нет,
весь мир – прозрачно-синий!*

*Лунный круг...
Не скрипнет колесо...
Звёзды впристаль: близко и красиво.
Спелый тополь светел и высок...
Поселенье вольное – Россия!*

Штрихи художественные – тоже социальные: это штрихи времени. Внутри образа живёт тайна внезапно открывающегося видения. А тайне нет разъяснений, нет толкований, на то она и тайна.

Вот это восьмистишие называется просто и горько – «После войны»:

*Растаял снег, в лесу просторно.
Высокая сосна глядит во все концы.
В живой тени, раскинутой узорно,
звонят пичуги, словно бубенцы.*

*Там – расцвели в лещине верболозы,
здесь – лось ходил, оставил шерсти клоч...
И ослепительно – под солнцем из берёзы
стекает сок в пробитый котелок.*

И вот снова это неизречённое, неуничтожимое единство Вселенной и сердца, неба и маленькой жизни... маленькой, да, но именно она, на уровне свершившегося чуда, вмещает в себя Большой Космос.

*<...> А робкий месяц через раму
лёт тонкий свет на нас двоих.
Я ничего не знаю, мама,
роднее чутких рук твоих.*

Мать, небо, месяц, сын. Месяц – сын тверди небесной. Живой сын на живой земле берёт в ласковые, горячие руки морщинистые руки старой матери. А ведь это богатырь и Мать-Земля. Это воин, сражающийся за Священное, и Матерь-Смерть. Это сердце, ищущее жизни, и это сама Матерь-Жизнь – и только поцеловать эти руки, взрастившие, натруженные, говорящие, молитвенно сложенные, поцеловать, как целуют во храме икону, как вернувшиеся после битвы на Родину, чудом оставшиеся жить – землю целуют.

Беспределен Космос поэта. Бесконечно его творческое обращение к нему. Взгляд поэта поднят вверх, горё.

*Целью загремев, толкаю лодку,
слышу плеск весла...
Не беда, что эта жизнь короткая —
мигом нам мила!*

*Снова правлю на огни далёкие.
Млечный Путь пылит...
Там – луна, косая и пологая,
и туман разлит. <...>*

Все явления родной природы – тоже открытый Космос. Жизнь наша в народе, посреди народа – тоже есть феномен открытости, распахнутости существу. И ни на минуту не упускает художник из виду эту нашу русскую вертикаль, эту извечную обращённость к небу; сопоставление себя с малым тёзкой-васильком, затерянным во ржи, – это слепок, моментальный снимок грядущего бытия, попытка изобразить посмертие посредством цветущего, упоённого торжества жизни:

*Цвет милый, синий, васильковый,
скажи, откуда ты?
Какого отчества и крова
твоя родня – цветы?*

*<...> Зачем рождён я человеком,
не знаю я и сам.
Как ты, я в землю врос навеки,
а тянет – к Небесам...*

Поэт не был бы поэтом, если бы о любви не пел. Любовь мужчины и женщины – не весь огромный, безбрежный Мирь земной любви, множества её вариаций. Любовь к родителям... Любовь к детям, наследникам... Любовь к друзьям: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя...» (Евангелие от Иоанна). Но именно на этой любви зиждется жизнь, и она – и продолжение рода, и страшная трагедия расставания, и великая высота пламенного объятия, и тихая – среди ночи – молитва, когда всею исстрадавшейся душою молишься за любимого человека...

И возникает, будто из далёкой заречной, заозёрной дали, из марева давно прошедшего, полузабытого, настоящая народная песня о любви.

О разлуке. О встрече. О забвении. О полынно-горькой и томящей памяти.

*<...> Что же ты с подругами песен не поёшь,
что ж ты, одинокая, стороной идёшь?
И, мечту заветную бережно храня,
что же ты по имени не зовёшь меня?*

*Сядем тесно-тесно, и – рука в руке!
Пусть баян выводит вальсы вдалеке...*

*Ночь тиха, над плавнями
ясный месяц
всплыл...
Юность моя дальняя,
я ли это был?*

Пространство, в котором поэту свободно и широко, красиво жить душою, – это на удивление сжатое, компактное пространство краткого, не протяжённого, а крайне концентрированного, лаконичного русского стиха. Нередки у Василия Килякова четверостишия, восьмистишия, стихотворение, насчитывающее три, четыре строфы. И это не столько дань традиции (в русском искусстве есть и беспредельные, обширные тексты былин, и громадные поэмы Хераскова, Ломоносова, Жуковского, Пушкина, Блока!..), сколько склонность души, работа духа: дух поэта востребует стиха-заклинания, стиха-песни, стиха-молитвы. Песня и молитва, говорила Марина Цветаева, прямая родня. Такого рода поэтическое высказывание близко сердцу Василия Килякова.

И стихотворение о случае совершенно неслучайно возвращает нас к бессмертному кантовскому философскому постулату, что столь любезен русской душе – именно потому, что мы, прислушиваясь к себе, ночами, ясными-летними или зимними, холодными, дышащими мистикой смерти, закинув голову, глядим, глядим в звёздное небо.

Как на золотые и серебряные росписи громадного выгнутого церковного купола, храмовой сферы, а под нею расчерчивают синеву фрески ослепительные метеориты, щебечут птицы, летят Ангелы и Архангелы, Херувимы и Серафимы, и наши взгляды летят и скрещиваются, и соединяются наши руки и наши судьбы, и молимся мы друг о друге и обо всей нашей возлюбленной земле Русской, желая ей великого счастья, уповая на неё и на Господа, защищая её от мрака и смерти.

*Случайно, всё случайно на земле.
Случайны эти сборища правительств,
Сервантеса случаен добрый витязь.
Случаен свет, и урожай, и хлеб.*

*Случайна осень с жёлтыми холмами,
паденье оземь переспелых груш...
Лишь не случайны звёзды, что над нами,
и нравственная тайна наших душ.*

